Сердюкова Елена Владимировна

ХАРАКТЕР РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ МИРОЩУЩЕНИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

Статья раскрывает видение Н. А. Бердяевым характерных черт русской философской мысли. Русская философия предстает перед нами как философия религиозная, экзистенциальная, свободная, дуалистически-плюралистическая, творческая, персоналистическая и эсхатологическая. Творчество самого Бердяева вбирает в себя все основные черты русской философии и предстает перед нами как некая точка схода всего истинного и оригинального, что было в период развития русской философской мысли до середины XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 191-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Голанский М. М.** Что нас ждет в 2015 г.: экономический прогноз против утопий. М.: Наука, 2008. 115 с.
2. **Кук Р.** Граница и метрополия: опыт Канады: доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М.: Наука, 1970. 12 с.
3. **Маевский В.** Первый или пятый: записки журналиста. М.: Молодая гвардия, 1960. 176 с.
4. **Тоффлер Э.** На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конфликте. М.: Прогресс, 1984. С. 30-43.
5. **Фукуяма Ф.** Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / пер. с англ. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2006. 220 с.
6. **Hancock W. K.** Australia. L.: Ernst Benn Limited, 1930. 326 p.
7. **Hutchinson R. H.** The "Socialism" of New Zealand. N.Y.: New Review Publishing Association, 1916. 134 p.
8. **Innis H. A.** Essays in Canadian Economic History / ed. by M. Q. Innis. Toronto, 1969. 418 p.
9. **Irvine R. F.** The Progress of New Zealand in the Century. L., 1902. 452 p.
10. **Lower A. R. M.** Colony to Nation: a History of Canada. Toronto: Longmans Canada Limited, 1964. 600 p.

STATE ROLE IN BRITISH DOMINIONS FORMATION: HISTORIOGRAPHIC ESTIMATIONS

Lyudmila Nikolaevna Semenova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Political Science and Classical Disciplines
Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship in Minsk
lunis17@mail.ru

State regulation and state property have played and continue to play an important role in Canada, Australia and New Zealand economy conditioning the high level of their social-economic development. The author analyzes some conceptions of well-known British, American, Canadian, Australian and New Zealand researchers which explain the formation of such a large state sector in British Empire dominions in the XIXth–XXth centuries.

Key words and phrases: dominion; resettlement colony; state regulation of economy; market self-regulation; state sector; private business activity; state activism.

УДК 1(091)

Статья раскрывает видение Н. А. Бердяевым характерных черт русской философской мысли. Русская философия предстает перед нами как философия религиозная, экзистенциальная, свободная, дуалистически-плюралистическая, творческая, персоналистическая и эсхатологическая. Творчество самого Бердяева вбирает в себя все основные черты русской философии и предстает перед нами как некая точка схода всего истинного и оригинального, что было в период развития русской философской мысли до середины XX века.

Ключевые слова и фразы: русская философия; русская идея; историософский характер; религиозность; эсхатологическая устремленность; свобода духа; соборность; православие; мессианское сознание; экзистенциальный тип философствования.

Елена Владимировна Сердюкова, к. филос. н.
Кафедра социальной философии
Южный федеральный университет
serd-elena@yandex.ru

ХАРАКТЕР РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ МИРОЩУЩЕНИИ Н. А. БЕРДЯЕВА©

История русской философии как объект изучения становится весьма востребованной в конце XIX – первой половине XX в. Выходит целый ряд работ, посвященных исследованию развития философии в России: «Судьбы философии в России» А. И. Введенского, «Очерк истории русской философии» Э. Л. Радлова, «Очерки русской философии» Б. Яковенко, «Пути развития философии в России» М. Ершова, «Очерк развития русской философии» Г. Г. Шпета, «История русской философии» В. В. Зеньковского, «Русская идея» Н. А. Бердяева, «История русской философии» Н. О. Лосского, «Пути русского богословия» Г. В. Флоровского. Среди современных исследований истории русской философии прежде всего следует назвать работы М. Н. Громова, М. А. Маслина, В. В. Сербиненко, А. Ф. Замалеева, А. Н. Ерыгина, Б. В. Емельянова, И. И. Евлампиева.

Проблемным вопросом для некоторых исследователей русской философии является вопрос о том, существует ли вообще русская философия. Г. Г. Шпет в «Очерке развития русской философии» осуществляет мощную самокритику русской культуры и отмечает, что в России философии как знания, как науки, пока не существует, есть только философствование. Русская философия только начала подходить к той стадии развития («предварительной истории», по выражению философа), «в течение которой философия *становится* в знание» [11, с. 218].

© Сердюкова Е. В., 2011

А. Ф. Лосев выделяет самобытную русскую философию (начиная со славянофилов) и заимствованную на Западе и переработанную на западный лад русскую философию (А. Введенский, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский и др.). Он пишет: «тот, кто ценит в философии прежде всего систему, логическую отделанность, ясность диалектики – одним словом, научность, может без мучительных раздумий оставить русскую философию без внимания», т.к. по преимуществу русская философия «является насквозь интуитивным, можно даже сказать, мистическим творчеством…» [9, с. 209].

В. В. Зеньковский в «Истории русской философии» называет XVIII век «прологом к русской философии», а развитие самостоятельной русской философии начинает с XIX века, включив сюда и два последних десятилетия XVIII века, так как «все, что созрело в XIX веке, начало проявляться уже в XVIII веке» [8, с. 24-25].

Многие исследователи русской философии указывают на тесную связь русской литературы и русской философии. «Русская художественная литература – вот истинная русская философия, самобытная, блестящая философия в красках слова, сияющая радугой мысли, облеченная в плоть и кровь живых образов художественного творчества» - пишет А. С. Волжский в 1906 году [7, с. 300]. Поэтому рядом с П. Я. Чаадаевым, А. С. Хомяковым, Вл. Соловьевым, В. Розановым, Н. А. Бердяевым и другими великими русскими философами стоят имена А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя и др.

По мнению Н. А. Бердяева, мы не можем отрицать высокий уровень культуры Древней Руси, ее зодчества и иконописи, народной литературы и культуры быта, но «мысли религиозной, богословской и философской у нас не было, Русь не пробудилась еще для мысли» [1, с. 3]. Немецкая философия способствовала активизации оригинальной русской философской мысли, которая «пробудилась на проблеме историософической» и задумалась над тем, что есть Россия, какова ее судьба и что «замыслил Творец о России». Только XIX век, несмотря на свою раздвоенность, беспочвенность и нарастание революционных идей в обществе, станет веком мысли и слова, благодаря великой литературе и оригинальной философской мысли.

Согласно учению Н. А. Бердяева, Бог может раскрыть себя только символически. В результате такого «раскрытия» возникает «русская идея» - понятие-символ, слово Божие о России, которое русский философ пытается разгадать. Мы не можем научно доказать и обосновать существование такой идеи и логическим путем придти к выводу, что русский народ имеет свою собственную судьбу - мы можем лишь интуитивно почувствовать это. «Русским людям, - пишет Н. А. Бердяев в «Русской идее», - давно уже было свойственно чувство, скорее чувство, чем сознание, что Россия имеет особенную судьбу, что русский народ - народ особенный» [3, с. 71]. Весь XIX век и в начале XX века русские философы будут спорить о том, каковы пути России. *Русская мысль - констатирует Бердяев - историософическая мысль.*

С философии истории П. Я. Чаадаева появляется в России самостоятельная оригинальная русская мысль, в «Философических письмах» он разочаровывается в прошлом России, ее настоящем и будущем. Но русскому самосознанию было необходимо пройти через это самоотрицание, считает мыслитель, так как это был «диалектический момент в развитии русской идеи» [Там же, с. 73]. Русское самосознание в целом с неизбежностью оказывается противоречивым, но «диалектическое развитие через противоречие заключает в себе большую истину, в нем совершается исторический путь и судьба человека» [6, с. 282]. В «Апологии сумасшедшего» П. Я. Чаадаев приходит к мысли, что отсталость России является ее преимуществом и предоставляет в будущем возможность выбора. Далее Бердяев переходит к рассмотрению взглядов славянофилов и западников, которые продолжают спор о судьбе России. Они пытаются осмыслить и оценить реформы Петра I, которые ознаменовали собой *необходимый* этап раздвоения и в мыслях, и в обществе. По мнению философа, обе точки зрения (и славянофильская, и западническая) были ошибочными, так как славянофилы не поняли «неизбежности реформы Петра для самой миссии России в мире», а западники «не поняли своеобразия России» и «не видели особенности России» [3, с. 77]. Высоко оценивает философ статью И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и России», в которой Киреевскому удалось сформулировать черты культурно-исторического различия России и Европы. Хотя противоположение существует и внутри Западной Европы (например, противоположение религиозной культуры и безбожной цивилизации), но все же, отмечает Киреевский, а вместе с ним и Бердяев, тип русского мышления и русской культуры сильно отличается от западноевропейского. Унаследовав от славянофилов эту традицию противопоставления, Бердяев и сам неоднократно противопоставляет русское мышление западному, русскую культуру – европейской культуре, историю России - истории Западной Европы, характер русского человека - характеру западноевропейского человека и т.д. Такое противопоставление необходимо, оно помогает показать оригинальность и самобытность русской культуры, истории России, русского характера. Н. А. Бердяев совершенно справедливо выступает против представлений ряда философов (среди которых Я. Н. Колубовский, В. В. Чуйко, Г. Г. Шпет, Э. Л. Радлов) о подражательности и несамостоятельности русской философской мысли. Как отмечает мыслитель, русская религиозная мысль XIX века от А. С. Хомякова до Вл. Соловьева хотя и пользовалось Шеллингом и немецким идеализмом, но не перелагала их философию на русский язык, а «творчески претворяла их и преодолевала, она шла от идеализма к реализму» [1, с. 11].

И славянофильство, и западничество входят в «русскую идею» и творчески преодолеваются. Об этом более всего свидетельствует творчество Ф. М. Достоевского, ориентированное на универсально-общечеловеческое. Если славянофилы и западники являются для Н. А. Бердяева представителями этапа раздвоения в русском самосознании, то Ф. М. Достоевский совмещает в своем творчестве эту противоречивость, раздвоенность. Его национальное сознание противоречиво, считает Бердяев, так как с одной стороны, он «решительный универсалист, для него русский человек - всечеловек, призвание России – мировое» [3, с. 103].

Но, с другой стороны, русский писатель ненавидит евреев, французов, поляков и имеет уклон к национализму. Н. А. Бердяев не одобряет национализма Достоевского и приветствует его универсализм.

Важнейшим этапом на пути к принципиально иному осмыслению проблемы России и ее судьбы явилось творчество Владимира Соловьева, который, по мнению Бердяева, наиболее универсален, а миссия России для него состоит в соединении церквей, «в утверждении христианского универсализма» [Там же, с. 105]. Для Вл. Соловьева историософическая тема была центральной, считает философ, и поэтому его философию можно назвать философией истории, которая представляет собой учение о путях человечества к всеединству, к богочеловечеству, к царству Божьему.

Итак, как мы видим, одной из особенностей русской мысли XIX века, по мнению Бердяева, является ее историософичность. В начале XX века эту традицию продолжает сам Бердяев, для которого тема России и русской идеи также станет одной из главных тем. «Русские размышления над историософической темой привели к сознанию, что путь России - особый. Россия есть Великий Востоко-Запад, она есть целый огромный мир и в русском народе заключены великие силы», - утверждает автор «Русской идеи» [Там же].

Своеобразие русского национального бытия заключается также в том, что в основе его лежит православие, поэтому не только характер русского народа, но и русская мысль неизбежно становится религиозной. Русская мысль не только историософическая, но и религиозная.

Для Н. А. Бердяева главными фигурами в русской религиозной мысли и религиозных исканиях XIX века являются не философы, а романисты – Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, которые выражают два полюса русской религиозной мысли. Если для Достоевского главной проблемой была проблема человека, то метафизика Л. Толстого резко антиперсоналистична. Для Л. Толстого человек является лишь частью космической жизни и «должен слиться с божественной природой». Еще в допетровской Руси православная мысль была связана с исключительно религиозной миссией русского государства. В начале XVI века национальное мессианство получило яркое выражение в идеологии псковского инока Филофея. После падения православного византийского царства, Московское царство осталось единственным православным царством. Люди Московского царства считали себя избранным народом. Миссия России - быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. Это призвание религиозное. Русские определяются православием. В XIX веке мысль, что Россия будет иметь со временем руководящее влияние в жизни Европы и выработает высокую форму культуры, высказывали многие русские мыслители.

Наиболее ярким представителем русского мессианского сознания, по мнению Н. А. Бердяева, является Ф. Достоевский, который «отлично понимал, что мессианское сознание универсально, говорил об универсальном призвании народа. Мессианизм не имеет ничего общего с замкнутым национализмом, мессианизм размыкает, а не замыкает» [Там же, с. 223]. Вл. Соловьев мечтал, что Россия станет всемирной христианской монархией, но в дальнейшем своем развитии отказался от этой утопии. От идеи Третьего Рима идет русское мессианское сознание и проходит через весь XIX век, достигает своего расцвета у великих русских мыслителей и писателей. До XX века дошла русская мессианская идея, и тут обнаружилась ее трагическая судьба - императорская Россия мало походила на Третий Рим, - в ней, по словам Достоевского, «Церковь была в параличе».

«Духовный провал идеи Москвы как Третьего Рима был именно в том, что Третий Рим представлялся как проявление царского могущества, мощи государства, сложился как Московское царство, потом как империя, и, наконец, как Третий Интернационал. Царь был признан наместником Бога на земле. Царю принадлежали заботы не только об интересах царства, но и о спасении души» [Там же, с. 50]. Разочарованные настоящим русские мессианисты были обращены к Граду Грядущему, своего Града они не имели.

Для творческой религиозной мысли, которую Н. А. Бердяев противопоставляет официальному монашески-аскетическому православию, было характерно ожидание новой эпохи в христианстве, эпохи Св. Духа. *Русская мысль - эсхатологическая мысль.*

«Русская идея не есть идея цветущей культуры и могущественного царства, русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божьего», - утверждает мыслитель [Там же, с. 168]. Эсхатологическое понимание христианства Бердяев противопоставляет историческому пониманию. Эсхатологическая надежда была у большей части представителей русской религиозной мысли. П. Чаадаев ищет Царства Божьего на земле и высказывает мысль, что русский народ, не обремененный тяжестью истории, сможет создать новый мир в будущем, «в русском нигилизме, социализме была эсхатологическая настроенность и напряженность, была обращенность к концу» [Там же, с. 220]. Творчество Достоевского олицетворяет переход от исторического христианства к христианству эсхатологическому.

В определенный период времени происходит срыв русской идеи - наступает «глубокое разочарование в путях истории и неверие в существование еще исторических задач», ожидается конец мира и явление антихриста [Там же, с. 224]. Главными представителями этих апокалиптических настроений были К. Леонтьев и Вл. Соловьев, у них эсхатология пассивная, а не активная и не творческая, в ней нет ожидания новой эпохи Св. Духа, в отличие от эсхатологии самого Бердяева, которая ведет к активному, творческому пониманию конца мира.

Автор «Русской идеи» отмечает, что в России в начале XX века философия приобретала религиозный характер, в Москве было создано религиозно-философское общество «Памяти Вл. Соловьева», центральной фигурой которого был С. Булгаков. Произошло соединение с течениями XIX века, главным образом, с Хомяковым, Вл. Соловьевым и Достоевским, и началось искание истинного православия. Руководствуясь желанием войти в глубь православия и приобщиться к его тайне, многие мыслители принимают священство - С. Булгаков, П. Флоренский, С. Дурылин и другие.

Сам Бердяев верит в возможность новой эпохи в христианстве - творческой эпохи - и называет свою религиозную философию эсхатологической. Н. О. Лосский и С. Л. Франк, которых автор «Русской идеи»

причисляет к представителям чистой философии в России, входят в «русскую идею» только после перехода к христианской философии.

Русский коммунизм предстает перед нами как «извращение русской мессианской идеи» и является необходимым этапом развития русской идеи, «моментом внутренней судьбы русского народа» [Там же, с. 264-265]. Такие направления русской мысли как атеизм, нигилизм и материализм также приобретают у Бердяева религиозную окраску.

Итак, согласно вышеизложенному, русская мысль XIX и начала XX веков предстает перед нами как историософическая и религиозная, имеющая эсхатологический характер и проникнутая мессианским сознанием. Такую характеристику можно дать и философскому учению самого Бердяева.

Для философа одной из важных тем была тема личности и ее отношений с обществом. А была ли актуальной эта тема для других русских мыслителей, с точки зрения Н. А. Бердяева?

«Когда в XIX веке в России народилась философская мысль, - пишет Бердяев, - то она стала, по преимуществу, религиозной, моральной и социальной. Это значит, что центральной темой была тема о человеке, о судьбе человека в обществе и истории» [Там же, с. 118].

Тема о человеке - это русская тема, считает философ, в то время как для западноевропейского человека более важными являются проблемы общества и цивилизации. Человек «выше принципа собственности, и это определяет русскую социальную мораль» [Там же, с. 119]. В результате сострадания и осознания зла мира и истории возникает и русский атеизм, который призывает к иному миру, в котором не будет человеческих мук и страданий. Бердяев полагает, что человечность лежит в основе всех социальных течений XIX века. Но, как мы уже отмечали выше, *развитие русской философской мысли проходит через этапы раздвоения, дуализм. Поэтому человечность может превратиться в бесчеловечность, гуманизм - перейти в антигуманизм*. Социальные течения XIX века привели к коммунистической революции, и хотя коммунизм имел «гуманитарные истоки» и провозгласил своей целью освобождение человека от рабства - в конечном итоге, человек оказался порабощенным социальным коллективом [Там же, с. 120]. Только начиная с учения А. С. Хомякова о свободе, идеи Богочеловечества Вл. Соловьева, творчества Ф. Достоевского, философии Н. Федорова и учения самого Н. А. Бердяева, приоткрывается истина о человеке, о его призвании и назначении в этом мире. Человек может сохранить свою высшую ценность и независимость от общества и от власти природы, только если есть Бог и Богочеловечество, полагает Бердяев [Там же, с. 127].

Русские понимают общество как дух, в котором утверждается высшая ценность человека - его правда и свобода. Западные люди понимают общество как природу, в которой оправдывается насилие сильного над слабым, господство одного человека над другими. Как отмечает философ, «это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше» [Там же, с. 145].

Русская идея предстает перед нами как идея братства людей и народов. Но оторванность этой идеи от христианства, которое являлось причиной ее возникновения, привело к двойственности коммунистической идеи, в которой единовременно были и правда, и ложь. Только христианство антропоцентрично, оно освобождает человека от власти объективного, падшего мира и от власти общества, возникшего в результате объективации человеческих отношений. Но, все равно, какую бы форму не принимали социалистические идеи - атеизма, народничества, нигилизма, социализма и т.д. - социальная тема имела характер религиозный. Как пишет Бердяев, «социализм у русских носил религиозный характер и тогда, когда был атеистическим» [Там же, с. 131].

Бердяев грезит о персоналистической революции, которой еще не было в мире. Персоналистическая революция означает «свержение власти объективации, разрушение природной необходимости, освобождение субъектов-личностей, прорыв к иному миру, к духовному миру» [4, с. 259-260]. Этот иной мир и есть Царство Божие, наступление которого «уготовляется человеком» и зависит от его творческих усилий. Но творчество трагично, так как результаты творчества носят не реалистический, а символический характер. Философ полагает, что нужно осознать не только культурный, но и религиозный смысл творчества. *Человек должен пройти через творчество культуры и цивилизации и прийти к творчеству реалистическому, которое было бы преображением мира, концом этого мира и возникновением нового мира и новой земли.* Творческий акт есть акт эсхатологический, обращенный к концу мира и именно такое понимание творчества было у многих русских мыслителей, полагает Бердяев.

Вся русская литература XIX века проникнута религиозной мыслью и заставляет задуматься над религиозной проблемой творчества, над религиозным оправданием и осмысливанием культуры. «Это чисто русская тема - тема Гоголя, Достоевского, Л. Толстого» [1, с. 23]. Неразрешенность в христианстве, в православии проблемы творчества человека поражает и ранит сознание русских мыслителей, которых мучил вопрос: как перейти от творчества к совершенной жизни. В отличие от сознания западного, в русском сознании тема оправдания культуры занимает одно из главных мест. Русским людям не свойственно культуропоклонство: «мы, русские, апокалиптики или нигилисты, устремлены к концу и плохо понимаем ступенность исторического процесса» [3, с. 157].

Философ первым связывает явление нигилизма с аскетическими и эсхатологическими сторонами христианства, в особенности, русского православия. Апокалиптизм и нигилизм - это два полюса, имеющие своим центром эсхатологию, это опять же необходимый этап раздвоения «русской идеи». *Бердяев полагает, что русская душа противится тому творчеству, которое создает «буржуазно-серединную культуру» и жаждет того творчества, которое создаст новую жизнь и приведет к иному миру*. Стремление выйти за границы искусства и достичь предельного, иного бытия было у многих великих писателей: Достоевского, Гоголя, Толстого. «У русских мука и болезнь творчества доходят до предела, и творчество русского гения всегда переливается за все грани» [5, с. 132].

Итак, как мы видим, согласно Бердяеву, творчество русских мыслителей всегда религиозно и эсхатологично, оно всегда стремится к концу мира и не приемлет серединного царства культуры.

Существует, на наш взгляд, еще одна причина, по которой Бердяев настаивает на исключительно религиозном характере русской творческой мысли. *Указывая на религиозность русской философии, мыслитель тем самым указывает и на свободу как основу русской философии.* «Беспочвенность русской мысли XIX века и русской религиозной мысли, в частности, была источником ее необычной свободы, неведомой народам Запада, слишком связанным своей историей. Беспочвенной и совершенно свободной мысли раскрылись бесконечные дали» [1, с. 6]. Философ полагает, что беспочвенность русской мысли была не только ее недостатком и слабостью, но и ее силой, и качеством. Своеобразие русской религиозной мысли также состоит в том, что ее носителями были свободные мыслители, а не иерархи церкви. Эта мысль чувствовала себя свободной и осознала свободу как основу христианства и православия в частности.

Итак, согласно Бердяеву, специфической чертой русской мысли является утверждение христианской свободы, стоящей вне рамок церковной иерархии и принудительного авторитета. Речь идет о подлинной свободе духа, которая получила свое выражение в работах А. С. Хомякова, П. Я. Чаадаева, И. В. Киреевского, К. Леонтьева, Н. Федорова и в особенности Ф. М. Достоевского.

Главными глашатаями христианской свободы были Хомяков и Достоевский. Христианская свобода может осуществиться только в соборной жизни. Идея соборности - это внутреннее духовное общество, стоящее за внешней церковностью. Это ожидание и упование, что раскроется подлинное христово общество. Дух соборности был для Хомякова и духом свободы, он отрицает авторитет религиозной жизни и противопоставляет ему не только свободу, но и любовь. Любовь является главным источником познания христианской истины, а Церковь представляет собой единство любви и свободы. «Дух соборности присущ православию, и идея соборности, духовной коммюнотарности, есть русская идея» [3, с. 187]. Здесь Бердяев утверждает, что соборность есть исключительно русское понятие. Еще радикальнее, чем Хомяков, защищает свободу духа Достоевский, который был, по выражению Бердяева, «своеобразным мистическим коллективистом». Этот коллективизм Достоевский противополагал коллективизму атеистическому, который отрицал личность и свободу духа. У него свобода есть не право человека, а его долг и обязанность. Философ полагает, что А. Хомяков и Ф. Достоевский «выражают новое сознание в христианстве, созревание для высшей свободы духа» и утверждает, что проблема свободы стоит в центре русской религиозной мысли XIX века [1, с. 13].

Бердяев относит себя к экзистенциальным мыслителям и, по его мнению, «русская философия, в наиболее своеобразных своих течениях, всегда склонялась к экзистенциальному типу философствования» [4, с. 91].

Величайшим и наиболее экзистенциальным русским метафизиком был, по мнению философа, Ф. Достоевский, который понимал, что русский социализм есть вопрос о Боге и бессмертии. Его более всего мучила проблема теодицеи, проблема существования зла. Согласно Бердяеву, самой оригинальной идеей у Соловьева была идея различения бытия и сущего. Автор «Русской идеи» отмечает, что здесь Вл. Соловьев как будто бы приближается к экзистенциальной философии, но все равно, его философия остается отвлеченной и рациональной, так как «сущее в ней задавлено схемами» [3, с. 194]. Книгу П. Флоренского «Столп и утверждение личности» можно было бы причислить к типу экзистенциальной философии» [Там же, с. 254]. Еще одним представителем своеобразной экзистенциальной философии являлся Л. Шестов, да и вообще, констатирует Бердяев, «русская философия, развивавшаяся вне академических рамок, всегда была по своим темам и по своему подходу экзистенциальной» [Там же, с. 129].

Современные исследователи русской философии М. А. Маслин и А. Л. Андреев отмечают, что тезис о «внеакадемичном», «экзистенциальном» характере русской философии постулировался Бердяевым без каких-либо специальных объяснений» [10, с. 17].

На наш взгляд, философ считал, что данный тезис не нуждается в дополнительных разъяснениях. Назвав Достоевского экзистенциальным мыслителем, он, тем самым, считал возможным говорить об экзистенциальном характере всей русской религиозной философии, так как «мы можем сказать, что русская философия - в Достоевском» [3, с. 183].

Свое философское мировоззрение Бердяев характеризует как «философию субъекта, философию духа, философию свободы, философию дуалистически-плюралистическую, философию творчески-динамическую, философию персоналистическую и философию эсхатологическую» [2, с. 190], и русская философия предстает перед нами как философия религиозная, экзистенциальная, свободная, дуалистически-плюралистическая, творческая, персоналистическая и эсхатологическая.

«Русская идея», выражением которой является русская религиозная мысль, проходит диалектический путь развития, предполагающий раздвоение, противоречивость, которые затем ею преодолеваются. Бердяев полагает, что в преодоление входит то, что было истинно в предшествующем периоде.

Таким образом, философское мировоззрение русского мыслителя предстает перед нами как некая точка схода всего истинного и оригинального, что было в период развития русской философской мысли до середины XX века. Философия Бердяева как губка впитывает в себя чужие идеи и творчески их перерабатывает. Философ рассматривает историю развития русской мысли через призму собственной философской концепции, религиозность оказывается главной чертой характера русского народа и русской мысли, несмотря на «воинствующий атеизм». Такая исключительная религиозность обусловлена эсхатологической устремленностью русской души и является результатом того, что в глубине русского народа и православия заложена свобода духа, бо́льшая, чем у других народов. Вера русского человека - это и есть его свобода.

Список литературы

1. **Бердяев Н. А.** О характере русской религиозной мысли XIX века // Н. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 2. С. 3-31.
2. **Бердяев Н. А.** Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 164-287.
3. **Бердяев Н. А.** Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43-272.
4. **Бердяев Н. А.** Самопознание. М.: Мысль, 1991. 220 с.
5. **Бердяев Н. А.** Смысл творчества // Николай Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 37-343.
6. **Бердяев Н. А.** Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 254-358.
7. **Волжский А. С.** Из мира литературных исканий: сб. статей. СПб., 1906.
8. **Зеньковский В. В.** История русской философии: в 2-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. Т. 1. 544 с.
9. **Лосев А. Ф.** Русская философия // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 209-236.
10. **Маслин М. А., Андреев А. Л.** О русской идее. Мыслители русского зарубежья о России и её философской культуре // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 5-42.
11. **Шпет Г. Г.** Очерк развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 217-570.

RUSSIAN PHILOSOPHY NATURE IN N. A. BERDYAEV'S EXISTENTIAL ATTITUDE

Elena Vladimirovna Serdyukova, Ph. D. in Philosophy
Department of Social Philosophy
South Federal University
serd-elena@yandex.ru

The author reveals N. A. Berdyaev's vision of the characteristic features of the Russian philosophical thought. Russian philosophy appears as religious, existential, free, dual-pluralistic, creative, personalistic and eschatological philosophy. Berdyaev's creative works absorb all the main features of Russian philosophy and stand before us as a kind of the vanishing point of everything true and original that was during the Russian philosophical thought development in the middle of the XXth century.

Key words and phrases: Russian philosophy; Russian idea; historiosophic nature; religiosity; eschatological aspiration; freedom of spirit; collegiality; orthodoxy; messianic consciousness; existential type of philosophizing.

УДК 346.546.1

В статье проводится оценка состояния социальной направленности правового регулирования конкурентных отношений в России. Основное внимание в работе автор акцентирует на необходимости достижения посредством антимонопольного законодательства баланса между свободой экономической деятельности и общественными интересами.

Ключевые слова и фразы: социальная рыночная экономика; обладание рыночной властью; общественный интерес; соотношение предпринимательской и потребительской свободы; социальная ответственность хозяйствующих субъектов.

Максим Александрович Сидельников
Кафедра гражданского права и процесса
Сибирская академия государственной службы
sidelnikovma@mail.ru

СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ©

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила рыночную систему хозяйствования, составные элементы которой получили закрепление и развитие как в рамках самой Конституции РФ, так и в отраслевом законодательстве. Наряду с этим статья 7 Конституции институирует Российскую Федерацию в качестве социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Исходя из вышеизложенных конституционных положений, логично предположить нацеленность российского государства не просто на создание условий функционирования рыночной экономики в чистом виде, по определению предполагающей удовлетворение исключительно эгоистических потребностей, а на построение социальной рыночной экономики, представляющей собой «синтез гарантированной государством

© Сидельников М. А., 2011